

Геополитическое прочтение наследия Римской империи

Людмила Терновая

Всегда печально наблюдать конец чего-то великого, в том числе великой империи, когда её значение измерялось не столько масштабом территории, сколько масштабом идеи. У современников к страху перед будущим примешивается ещё чувство грусти и неопределённости, а у тех, кто знакомится с завершением бытия такой модели власти и мощи какой-либо империи или государственного деятеля, стоявшего во главе её, по истечении времени, по источникам, невзирая на их достоверность, возникает ощущение недоумения и разочарования.

Именно такое настроение охватывает тех, кто знакомится с завершением Римской империи. «Западная Римская империя фактически не существовала более. В Италии формально ещё держалась призрачная власть римских императоров. Это были безвольные игрушки в руках начальников наёмных варварских войск. За период с 455 по 476 г. сменилось 9 таких «императоров». Никто из них не правил дольше 5 лет, и все свергались насильственно. Наконец, в 476 г. один из варварских вождей Одоакр, низложив юного императора Ромула, прозванного Августулом («Августенком»), решил покончить с этой комедией. Он отправил посольство к восточному императору Зенону с

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления МАДИ. *E-mail:* ludmilaternovaya@yandex.ru

Ключевые слова: геополитика, империя, цивилизация, управление приоритетами, социология воображения.

просьбой не назначать для Италии особого императора, а сделать его, Одоакра, наместником с титулом римского патриция. Зенону не оставалось ничего другого, как признать совершившийся факт» [1].

Конец Римской империи не был бесплодным, он оставил сложнейшую геополитическую традицию и разветвлённый миф, объясняющий связь реального и воображаемого миров. В отличие от греческой цивилизации, в основе психологического и геополитического восприятия которой лежал Троянский цикл, отражающий мир сражений и путь скитаний, по сути, представляющий собой героизацию разрушения, римская модель, базирующаяся на цикле легенд об Энее, Ромуле и строительстве Рима, смогла оказать влияние на последующие цивилизации, дав им в качестве путеводной нити созидательный сюжет. Его символом служил сам Рим. Вечным городом – *Aeterna urbs* – впервые назвал Рим поэт Альбий Тибулл (ок. 50–19 до н.э.) в своей второй элегии.

Римский миф о римском мире можно было излагать в разных формах, но везде угадывались основополагающие линии, причём как позитивные, так и негативные. Первые, в частности, касались разнообразия практик управления на местах, заботы об укреплении границ империи и связи её окраин с центром, наличия общих инструментов имперской идентификации. Однако и негативные проявления в виде имперских химер показывали свою исключительную живучесть на протяжении столетий.

Современная потребность в обращении к связи мифологического и геополитического наследия Рима вызвана и тем, что в XXI в. государства перешли к ревизии границ,

очерченных после Второй мировой войны. Поэтому следует, во-первых, выделить бывшие с древности постоянными разделительные линии, а во-вторых, посмотреть, не является ли современная их перекройка отражением некоего стремления к восстановлению «Римских рубежей» (*Roman Lines*), так называлась пограничная линия Римской империи во времена её наибольшего территориального расширения во II в. под новым имперским надзором.

Эта линия тянулась в длину более чем на пять тысяч километров: от побережья Атлантики на севере Британии, далее через всю Европу к Чёрному морю, оттуда к Красному морю и через Северную Африку вновь к Атлантическому побережью; ещё сейчас остатки стен, рвов; укреплений, сторожевых башен, поселений указывают на расположение «Римских рубежей».

Их карту восстанавливают специалисты по космической съёмке в археологии.

В Германии видны два участка «Римских рубежей» длиной 550 км с северо-запада страны до Дуная на юго-востоке.

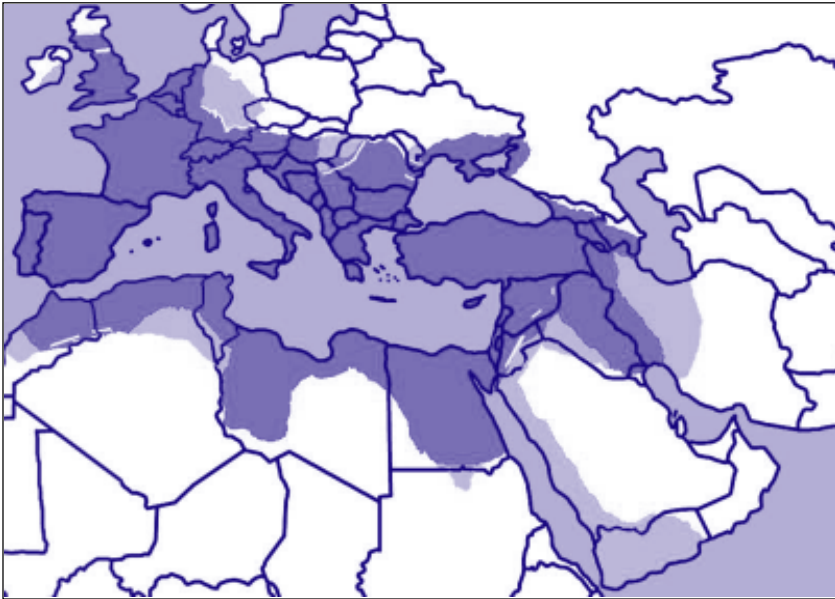
В Британии сохранился 118-километровый отрезок рубежей – вал Адриана, созданный в 122 г. по приказу этого императора на северной границе одноименной римской провинции. Вал Адриана служит ярким примером организации приграничной военной зоны и фортификационного строительства, отражая геополитическую стратегию Рима.

Сооружение 60-километрового вала Антонина в Шотландии было начато при императоре Антонине Пие в 142 г. для защиты от варваров. Это был самый удалённый участок

«Римских рубежей», обозначавший крайние северо-западные границы империи.

Взгляд на карту территорий, где в прошлом было установлено правление Рима, позволяет представить просторы, превышающие площадь государств, входящих в Европейский

союз. Также видно, что сейчас по существенной части границ империи расположились зоны конфликтов, в том числе по периметру российских границ. Здесь есть и частично признанные Абхазия и Южная Осетия, Крым и Новороссия.

Карта всех территорий, когда-либо бывших частью Римской империи

Ещё одна ценность того древнего опыта состоит в том, что помимо понимания истоков конфликтов, а без этого невозможно их разрешение, он полезен при конструировании нового миропорядка. История доказала, что созидательный импульс мог быть воплощён разными геополитическими акторами, неодинаково трактующими цели создаваемой цивилизации, набор и роли отдельных участников процес-

са. Наиболее успешными на разных отрезках времени выступали те силы, которые, выражаясь языком менеджмента, умели выстраивать иерархию целей и средств, управлять приоритетами, что в теории управления получило определение *priority management*.

Эта же способность отличала управленческую элиту Древнего Рима в его блистательные периоды (достаточно вспомнить Пунические вой-

ны). Следование правилам *priority management* было присуще выдающимся наследникам Рима, когда они чётко чувствовали главные потребности времени и места.

Германо-скандинавская модель

После падения империи стояла задача сберечь остатки величия. Понимание такой потребности дало жизнь германо-скандинавскому миру, прото-геополитические характеристики которого брали начало в «Эддах» и «Песне о Нибелунгах», рисующих модель мироустройства и воспевающих богов и героев. Основы этого порядка закладывались в момент крушения Рима и обретения силы германскими племенами. Не имея собственной исторической памяти, они нуждались в ней. И миф рисовал им прошлый мир, параллельный римскому, расширявае-

Можно говорить о трёх геополитических типах наследования римской имперской традиции: германо-скандинавской, англосаксонской и византийско-русской.

мый с помощью классических античных сюжетов.

Такая модель цивилизации, ориентированной в славное прошлое, не позволяла достаточно чётко увидеть картину будущего, не прописывала в этой картине роль человека, независимо от места, которое он занимал на социальной лестнице. Погружённые в символику нибелунгов, носители этой традиции не заметили ни геополитических, ни даже символических признаков завершения эпохи Германской империи с окончанием Первой мировой войны.

Англосаксонская модель

Англосаксонская модель западно-европейской цивилизации возникла не в центре, а на периферии пост-имперского римского мира. Здесь был важен новый тип героя, на психологию и поведение которого не давила ограниченность окраины *orbis terrarum*, а потому готового раздвинуть границы. Этот герой обнаружился в артуровском цикле легенд, включающих кельтскую легендарную историю Британских островов, с особой фокусировкой на короле Артуре и рыцарях круглого стола. В центре находится фигура доброго, справедливого и мудрого короля, вокруг которого сконцентрировано избранное общество героев, искателей приключений и просветления. И не так важно, что в братоубийственной

войне, развязанной преступным наследником, гибнет весь этот тщательно устроенный мир, ибо не были созданы условия дальнейшего просвещения и деятельности поведения людей.

Для геополитического торжества данной модели оказалось значимым, что наряду с королём Артуром, как символом власти в артуриане, присутствует фигура того, кто может направлять эту власть, указывать на задачи *priority management*. Изначально в этой модели мироустройства была заложена традиция, основателем которой можно считать священника и писателя Гальфрида Монмутского (ок. 1100–1154–1155 гг.). В его самом раннем произведении «Пророчества Мерлина» (*Prophetiae*

Merlini) несколько апокалиптических текстов представлены как принадлежащие волшебнику Мерлину, наставнику и советнику короля Артура, а до того и отцу Артура Утеру [2].

Как всегда, дьявол скрывается в деталях. А потому в геополитическом свете любопытны трансформации, произошедшие с именем Мерлина.

Его происхождение, скорее всего, связано с неправильной интерпретацией названия города Кармартен (*валл. Caerfyrddin*) от британского *Mori-dunon* – «морская крепость». Позже это название было понято как *Saer-Myrddin* (переход *m* в *f* (читается *v*) отвечает правилам валлийской грамматики), т.е. «крепость Мирдина». А к Гальфриду восходит распространившаяся версия имени Мерлин (в валлийской традиции оно выглядит как *Myrddin*).

Исследователь артурианы Рэйчел Бромвич считает, что переход *dd* в *l* весьма странен, соглашаясь с выводом знаменитого французского исследователя средневековой литературы Гастона Пари. Гальфрид, написав на латыни *Merlinus* вместо ожидаемого *Merdinus*, вероятно, хотел избежать неприятных ассоциаций, связанных с французским словом *merde* [3].

Даже позже, например в XVIII в., это слово наполнялось гораздо более грубым содержанием, чем сейчас.

Можно предположить, что стремление Гальфрида облагодзвучить имя волшебника способствовало сближению континентальной и островной частей кельто-римского мира, а также открывало возможности для последующей широкой трактовки роли мудрого наставника в проведении определённого внутри- и внешнеполитического курса. А корневая отсылка к морскому сюжету в имени этого легендарного средневекового «политтехнолога» (Кармартен очень напоминает Карфаген) также обра-

щает внимание на важность выхода для наследников римской традиции за пределы геополитики Суши, ассоциируемой с Римом, и добавления к ней геополитики Моря, связываемой с Карфагеном.

Возникший на обломках Римской империи германский миф, завершающийся гибелью богов, был пригоден для исторического погружения с геополитическими целями в период разрозненных германских земель. В 962 г. восточнофранкским королём Оттоном I Великим была основана Священная Римская империя как прямое продолжение античной Римской империи и франкской империи Карла Великого. Когда же в середине XV в. большая часть негерманских земель оказалась потерянной для императорской власти, империя стала восприниматься как национальное немецкое государственное образование. А в 1512 г. Максимилиан I в обращении к рейхстагу впервые официально использовал наименование Священная Римская империя германской нации (*нем. Heiliges Römisches Reich Deutscher Nation*).

Несмотря на сложность и неэффективность имперского управления, само существование этого геополитического образования давало почву для поддержания германского мифа. Его основным сюжетом был сюжет экспансии, который можно было пытаться транслировать на национальные территории, в частности, входящие в состав Австро-Венгерской империи. Но такое вмешательство в национальное самоопределение вызывало, по выражению армянского философа, литературоведа, историка культуры Карена Свасьяна, первый обширный европейский

инфаркт со смертельными последствиями, которым и стала Первая мировая война [4].

Это был принципиально новый опыт ведения военных действий, а потому и абсолютно иной символический порядок их осмысления.

В 1918 г. в честь героини оперы Рихарда Вагнера «Гибель богов» (*Götterdämmerung*) Вальтрауты астероид 890 был назван Вальтраут. Это можно было прочесть как знак того, что боги и герои былых времён покинули обитаемый мир, ушли в космос. Но язык символов не помог верно оценить изменившиеся геополитические реалии. Неудивительно, что жестокая попытка воссоздать величие германского мира рухнула полностью с крушением Третьего рейха.

В условиях усиления национальных государств и, более того, формирования межгосударственных союзов геополитическую мощь обрели идеи артуровского эпоса, придав необходимую историческую глубину и доказательность, не только романтическую, но и пророческую, тому, что ныне принято называть «мягкой силой» (*soft power*). Такая сила всегда противостояла обычной силе – «жёсткой» (*hard power*), однако противостояние предполагало и предполагает их сочетание, например, в виде «принудительной дипломатии» (*coercive diplomacy*). Для такой дипломатии нужен авторитетный посредник или арбитр. Неслучайно в годы Второй мировой войны писатель, учёный и богослов Клайв Стейплз Льюис пишет «Космическую трилогию», в завершающей книге которой, «Мерзейшая мощь» (*That Hideous Strength*, 1946 г.), пробуждённый после много-

векового сна Мерлин, узнав, что Англия бессильна бороться с демоническим нашествием, предлагает прибегнуть к помощи императора. Известие, что императора больше нет, повергает великого волшебника в ужас. Император – это не просто властитель, он ещё и судья. А если нет арбитра, то утеряны важнейшие инструменты разрешения спора.

Об этом же, вероятно, думала английская писательница Мэри Стюарт, когда в 70-е годы, в период формирования разрядки международной напряжённости, выпускает трилогию о Мерлине: «Хрустальный грот» (*The Crystal Cave*, 1970 г.); «Полые холмы» (*The Hollow Hills*, 1973 г.); «Последнее волшебство» (*The Last Enchantment*, 1979 г.), где, развивая идеи артурианы, показывает не волшебника, а человека, чьими руками высшие силы творят историю.

Стюарт «осуществила литературную перепрошивку артуровского мифа – теперь это миф о преемственности цивилизации в Британии с кельтских и римских времён, о синтезе этих двух начал как основе цивилизации и об их борьбе с германосаксонским началом как образом варварства эпохи Великого переселения народов. Британия предстаёт не как часть молодого и чистосердечного варварского мира (вспомним историю Беды Достопочтенного про англо-ангелов), а напротив – как земля тысячелетий, пропитанная римским духом и опутанная древней магией Стоунхенджа» [5].

Всё это – древние вариации «мягкой силы», которая не только противопоставляется «жёсткой силе», но и дополняет её, составляя пару силовых отношений. Поскольку к оконча-

нию холодной войны «жесткая сила» в основном сосредоточилась за океаном, то нельзя не увидеть справедливого упрека в выводе Збигнева Бжезинского: «Горький факт заключается в том, что Западная Европа, а также всё больше и больше и Центральная Европа остаются в значительной степени американским протекторатом, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчинённых. Такое положение не является нормальным как для Америки, так и для европейских государств» [6].

Психология вассала резко отличается от психологии суверена, но иногда, чтобы заметить такие отличия, надо обратиться в прошлое, в том числе мифическое. Не менее разительны отличия геополитического порядка. Однако в принадлежности этих характеристик, если их рассматривать в аспекте римского геополитического наследия, произошла подмена ведомых и ведущих. Прямые наследники (британские) попали в зависимость от наследников косвенных (американских), суть геополитического поведения которых ярко передают символические фигуры Дяди Сэма или Брата Джонатана, персонажа фольклора США, созданного в годы Войны за независимость (1775–1783 гг.) и являвшегося персонализацией Новой Англии [7].

Стиль поведения непрямых наследников в геополитическом смысле ничем не отличается от обычной манеры поведения людей, соперничающих друг с другом за наследство. Кровная отдалённость от предмета дележа не умаляет желания получить больше, но не накладывает ни обязательств, ни желания сберечь

лучшее из наследия. При этом возрастает стремление всячески демонстрировать готовность бережно относиться к полученному богатству.

В США, например, в память об основании Рима на Капитолийском холме слово «Капитолий» употребляется для зданий, где проводят свои заседания законодательные органы государства, штата или территории. А в архитектуре административных и государственных зданий легко узнаются отсылающие к римской античной традиции ноты.

С мифологическим содержанием римского наследия можно обойтись как с любым музейным экспонатом – завоевать, купить, отреставрировать, скопировать. Так и у геополитической части наследия, особенно расположенного на периферии империи, можно отбросить ценность созидательной компоненты мифа и считать, что всё разрушенное во время или во имя отвоевания этого наследия можно позже восстановить. Именно такая мифопсихологическая основа просматривается в поведении Запада на рубеже земель, бывших окраинами Римской империи, которые граничат с пространством Великой Евразийской степи.

По сути, эта территория сохраняет память не только о раннем наследии Римской империи, но и о более позднем её Византийском варианте. Во-первых, следует помнить о цивилизационном выборе Руси в конце X столетия, сделанном ею через религиозную форму, принятую в Ромейской (Византийской) империи. Во-вторых, этот цивилизационный выбор Московское княжество подтвердило в начале XVI в., освободив-

пись от золотоордынской зависимости.

После падения Византийской империи, приняв функции её наследника, в 1524 г. старец псковского Елеазарова монастыря Филофей в послании, адресованном великому князю Московскому Василию III Ивановичу, наполнил геополитическим смыслом представление о царской статусности княжеской власти на Руси, сформулировав идею Третьего Рима. Филофей сравнил Василия III с римским императором Константином Великим, перенесшим в 330 г. столицу Римской империи на место древнего греческого полиса Византия и названную Новым Римом (неофициально – Константинополем), признанного в Русской православной церкви Святым равноапостольным императором.

Принятие на идеологическое вооружение концепции «переноса империи» (*lat. translatio imperii*), использовавшейся в Византии для легитимации притязаний на преемственность по отношению к Римской империи, давало возможность оправдать право на наследство, предъявляемое с территории, в него не входившей.

Кстати, идея переноса традиции власти и государственного устройства обнаруживалась в «Энеиде», где у Вергилия содержится сюжет о переносе Троянского царства в Италию. Тем самым Рим становился новой Троей.

Доказательством обоснованности предъявления прав на наследство служило и то, что Филофей взял уже существовавший термин «Третий Рим» у современников угасания Византии, которые рассматривали Константинополь как Новый Рим

или Второй Рим, а также пытались придать ему историческое продолжение, и обосновал необходимость его применения к Руси.

Орестаurationи Византийской империи с центром в Константинополе мечтали сторонники Великой идеи. И не только в Греции, но и в России, в частности в «греческом проекте» Екатерины II. Даже русско-турецкие войны можно рассматривать как проявление борьбы за «византийское наследство», понимаемое как культурно-цивилизационное пространство. И в эту логику вписывается прошлая и современная политика России по возвращению Тавриды/Крыма. По сравнению с такой геополитической борьбой европейские споры в виде вооружённых конфликтов за наследование выморочного престола того или иного государства даже при преследовании цели территориальных уступок ни в период Средневековья, ни в XVII–XVIII вв. не были войнами за наследие Римской империи.

Впрочем, не чуждались обращаться к мифогеополитической парадигматике и другие продолжатели Римской империи и их наследники. Эта логика проявлялась как в стремлении к геополитическому расширению, так и в религиозном соперничестве католичества и православия.

Попытки геополитической эксплуатации идеи Третьего Рима имеют множество вариантов: в XIX в. Джузеппе Мадзини развивал идею республиканского Третьего Рима во имя объединения Италии; использовал выражение «Третий Рим» Бенито Муссолини, чтобы подчеркнуть следование имперским традициям в фашистской Италии.

Возможно, войны за наследство, которыми изобилует европейская история, являлись локальной пробой сил, которая должна была когда-то и где-то выплеснуться на территории бывшей Римской империи.

Когда? В момент обострения потребности в поддержании государствами, считающими себя наследниками Рима, чувства собственной геополитической значимости.

Где? В местах, в которых невозможно затронуть благополучие их населения, т.е. на периферии имперского пространства.

Предсказать такой геополитический поворот событий можно было, обратившись к мифам. Они, как правило, не умирают, а переходят в «спящий режим».

Именно в таком состоянии героиня романа Джоанн Харрис «Рунная магия» (*Runemarks*, 2007 г.) находит германо-скандинавских богов.

Сейчас проснулись и другие имперские мифы, обострилась борьба за наследство, реальные богатства которого получили новое геополитическое измерение, чья ценность острее всего ощущается именно по границам Римского мира. И то, что её почувствовали люди, вовлечённые в протестную волну как «арабской» и «русской весны», лишь подтверждает замечание, что мифы могут просыпаться при определённых геополитических условиях и, более того, начинать оказывать влияние на интерпретации и переинтерпретации таких условий и обстоятельств.

Примечания

1. Ковалёв С.И. История Рима. Курс лекций. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 700.
2. Монмутский Гальфрид. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984.
3. Bromwich R. Trioedd Ynys Prydein: the Welsh triads. Cardiff: University of Wales Press, 1961. P. 472.
4. Свасьян К.А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Вст. ст. к книге: Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.
5. Холмогоров Е.С. Рим с кельтским орнаментом // Известия. 2014. 21 мая.
6. Бжезинский Э. Великая шахматная доска // URL: http://hists.narod.ru/doc/new/knigi/Brzezinski_Velikaja_shachmatnaja_doska.pdf
7. Gould D.C. Times of Brother Jonathan: What he ate, drank, wore, believed in & used for medicine during the War of Independence. San Antonio: Southfarm Press, 2001. P. 9–10.